

В. П. Сапон

**РОССИЙСКИЕ ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ И МАКСИМАЛИСТЫ
В АВАНГАРДЕ ЛИБЕРТАРНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917 г.**

Статья посвящена проблеме идеологического и организационно-практического оформления леворадикальных фракций российского неонародничества в 1917 г., их активному участию в борьбе с Временным правительством и в советизации российской государственной власти. Автор, опираясь на архивные и партийно-публицистические материалы, а также соответствующие научные исследования, приходит к выводу, что левые эсеры и эсеры-максималисты представляли собой влиятельную политическую силу, которая внесла значительный вклад в борьбу за ликвидацию буржуазно-демократического режима и реализацию либертарно-социалистической модели общественных отношений в революционной России. Вместе с тем указывается на то, что левонароднический проект социального освобождения, представляя собой в теории одну из перспективных альтернатив политическому авторитаризму, на практике оказался неконкурентоспособным.

При всей плодотворности концепции нескольких потоков Русской революции, которая получила широкое распространение в современной историографии, на наш взгляд, вполне обоснованно можно говорить о единстве российского революционного процесса в смысле единства его стратегической *либертарной* направленности. Либертаризм русской революции, как и любой другой революции подобного рода, заключался в том, что различные социальные, политические, экономические, национальные силы стремятся к достижению неких условий жизнедеятельности, которые предоставляют более высокую степень свободы (не в последнюю очередь – свободы от государства как бюрократической машины), при этом различные партийные течения предлагали свои самобытные модели построения свободного общества. Одним из наиболее активных проводников радикального либертаризма в России после Февральской революции 1917 г. стали левые неонародники.

Организационное оформление леворадикального неонародничества после падения самодержавия начинается на крайнем, максималистском фланге: после Февральской революции организации эсеров-максималистов формируются как путем выхода из структур Партии социалистов-революционеров (ПСР) и РСДРП [1, с. 44], так и под непосредственным руководством уцелевших ветеранов подполья. Процесс партийного возрождения был инициирован в центре: в марте 1917 г. возникает организация в Петрограде, которая действует в тесном контакте с Кронштадтской инициативной группой. В июле в результате слияния формируется единая организация. Весной-летом интенсивное организационное оформление максималистского политического течения происходит и в других регионах страны. Официальное воссоздание Союза социалистов-революционеров максималистов (ССРМ) на общероссийском уровне связано с созывом II союзной конференции, которая состоялась 15–21 октября 1917 г. Относительно крупные и влиятельные организации максималистов появились и действовали в Петрограде, Москве, Самаре, Симбирске, Казани, Ижевске, Воткинске, Шлиссельбурге, Сормове. Как и в большинстве других левых политических объединений, ведущую роль в ка-

честве идеологов и организаторов здесь играли представители разночинной интеллигенции, при этом основную социальную базу составляли типичные для России пролетарские слои, которые сохраняли связь с личным хозяйством и в этом отношении не были пролетариями в узком смысле.

Февральская революция 1917 г. стала мощным стимулом и для самоопределения левых в рядах ПСР. В течение весны размежевание между «оборонцами» и «интернационалистами» в рамках эсеровской партии происходит в Харькове, Астрахани, Нижнем Новгороде, Смоленске, Одессе, Выборге и других городах. При этом в ряде городов эсеры-интернационалисты находят общий язык и действуют солидарно с максималистами.

Многочисленных сторонников приобретают левые неонародники в армии и на флоте. Например, в Финляндии эсеры-интернационалисты проявили себя как заметная политическая сила уже в первой половине мая 1917 г., при этом, по свидетельству члена Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) В. Н. Залежского, они «заняли сразу весьма приличную позицию и стали завоевывать себе быструю популярность среди матросов» [2, с. 147]. Это было связано с тем, что к указанному времени значительная часть матросов-балтийцев в политическом отношении находилась на более радикальных позициях, чем их эсеровские вожаки, поэтому появление левого течения в ПСР давало им возможность сохранить партийную принадлежность и в то же время удовлетворить свое «бунтарство». Созданная эсерами-интернационалистами фракция в Гельсингфорсском совете (около 125 человек) значительно превысила фракцию ленинцев (около 80 человек) [2, с. 150].

Поначалу гельсингфорские большевики с ревнивой обеспокоенностью наблюдали за ростом популярности левых эсеров и даже решили, что для РСДРП(б) «это течение... куда вреднее, чем работающие до сего времени эсеры-оборонцы, среди матросов с ними бороться будет труднее» [2, с. 149]. Однако вскоре обе революционные фракции стали действовать единым фронтом против общих меньшевистско-правозесеровских противников, что, впрочем, не исключало конкуренции и внутри «левого» лагеря. «Там, где аудитория была однородной и определенной по своим политическим и социальным симпатиям, – вспоминал В. Н. Залежский, – мы боролись друг с другом, хотя и здесь наиболее непримиримыми были большевики, там же, где аудитория была еще политически неоформленная, мы выступали совместно». По оценке известного советского историка Х. М. Астрахана, Гельсингфорсская организация эсеров-интернационалистов, возглавляемая П. П. Прошьяном и А. М. Устиновым, станет к осени 1917 г. «особенно сильной» [3, с. 308].

Первые признаки «тектонических сдвигов» в эсеровских рядах стали заметными уже на II Петроградской конференции (3–6 апреля 1917 г.), Северной областной конференции (20–24 мая 1917 г.) и на III съезде ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.), который де-юре возродил партию, де-факто уже являвшуюся самой многочисленной в стране и напрямую причастную к верховной государственной власти. На партийном съезде из 346 делегатов выделилась заметная группа (42 человека) левой оппозиции, члены которой энергично протестовали против «соглашательской» тактики «правых» и «центра» при решении актуальных проблем революционной политики. Впрочем, левым в ПСР было далеко до «экстремизма» анархистов, максималистов или большевиков. Например, в вопросе о власти радикализм левых эсеров не шел дальше критики коалиции с буржуазией и стремления поставить весь состав

Временного правительства, а не только министров-социалистов, под контроль Совета «как высшего органа страны» [3, с. 253]. При всем своем несогласии с «генеральной линией» партии интернационалисты вовсе не стремились к решительному размежеванию с «умеренными» по примеру В. И. Ленина и других максималистски настроенных социал-демократов. «С первого взгляда, – делилась своими впечатлениями М. А. Спиридонова, – съезд производил впечатление чего-то хаотического, волнующегося и во всяком случае нестройного. Очевидны были несколько течений, но совершенно неясны были грани их и личный состав отдельных течений.

Скоро выяснилась в каждом течении ярко выраженная группа (правая, центр и левая), остальное было довольно текуче, изменчиво, кроме правых, раз навсегда резко выраженных» [4, с. 2]. Лидеры интернационалистской фракции выступают за развитие федеративных начал партийной жизни в противовес прежней вынужденной централизации, однако процесс идейного брожения пока еще не выводился ими за рамки «идеи революционного социализма, идеи, дающей простор освобожденной гармоничной личности, дающей уже сейчас возможность сложнейшим и разнообразнейшим человеческим личностям с различными уклонами и изгибами миросозерцания, работать рука об руку в рядах единой Партии Социалистов-Революционеров» [4, с. 2]. Тем не менее, уже через несколько недель после окончания съезда выяснилось, что компромисс между «левыми» и «правыми» в эсеровской партии, как и в стране в целом, возможен лишь до поры до времени.

Первой серьезной проверкой на прочность единства в ПСР стал июльский кризис. В то время как представители «правых» и «центра» эсеровской партии содействовали обузданию «темного бунта, происходящего под знаменем большевизма» [5, с. 1], «левые» устами Б. Д. Камкова на объединенном заседании ЦИК Советов и ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов 4 июля призвали прислушаться к мнению петроградских масс и поддержать лозунг «Вся власть Советам!». (Впрочем, с «левой» стороны звучали и другие мнения. 7 июля будущий член ЦК левоэсеровской партии В. Е. Трутовский с тревогой писал об опасности «господства неорганизованных и случайных толп, к которым прислушивались бы некоторые вожди, желающие во что бы то ни стало провести под своим флагом стихийное движение этих толп». Он квалифицировал июльские события в столице как разгул охлократии, играющий на руку контрреволюции [6, с. 1]). Дело не ограничилось декларациями: в тот же день немало левых эсеров участвовало в демонстрации кронштадтских моряков, при этом они не довольствовались ролью большевистских попутчиков и стремились проводить самостоятельную политическую линию. «...Брушвит (левый эсер А. М. Брушвит, наряду с большевиками Ф. Ф. Раскольниковым, С. Г. Рошалем и анархистом-синдикалистом Х. З. Ярчуком по решению исполкома Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов был направлен в столицу «на митинг для предотвращения неорганизованных действий и успокоения волнующихся масс» – В. С.) и др[угие] лидеры левых эсеров, – вспоминал в 1923 г. большевик Ф. Ф. Раскольников, – покинули демонстрацию позже, уже на Марсовом поле, на том основании, что демонстранты отказались идти в бюро левых эсеров и несли впереди шествия широкий плакат Цека большевиков. Демонстрация проходила под знаком большевистского руководства, и на

этом основании левые эсеры заявили, что они отказываются участвовать в «партийной» демонстрации...» [2, с. 385].

ЦК ПСР сделал попытку избавиться от бунтарей, однако пройдет совсем немного времени и партийное меньшинство, стремительно набирающее силы, будет всерьез обдумывать планы завоевания на свою сторону всей партии. В частности, на VII расширенном Совете ПСР эсеры-интернационалисты добились от руководства партии права «легализовать» свою фракцию, а уже в августе левые стали большинством в партийной организации столичного региона, поскольку 16 августа 1917 г. за их резолюцию высказалась Петроградская губернская конференция эсеров. В сентябре именно левые сформировали Петроградский комитет ПСР, который контролировал 45,3 тыс. членов партии.

Параллельно левое крыло ПСР наращивает свое политическое влияние и в провинции, в низовых слоях общества, сплотившихся вокруг органов народно-трудовой демократии. Накануне Октября левые эсеры сумели завоевать прочные позиции в органах народной демократии в самых разных регионах страны: на Украине, в Средней Азии и Казахстане, в Сибири, Финляндии, Поволжье и ряде центральных губерний России. При этом на подъеме новой мощной волны антиправительственного и антибуржуазного движения левые неонародники повсюду выступали в тесной связке с другими фракциями внесистемной оппозиции – большевиками, максималистами и анархистами. Например, в августе прошли перевыборы Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов: в составе Совета 3-го созыва оказались 73 левых эсера, 96 большевиков, 96 беспартийных, 13 меньшевиков и 7 анархистов [7, с. 1]. На III областном съезде депутатов армии, флота и рабочих Финляндии 10 сентября 1917 г. в новый состав областного комитета вошли 27 левых эсеров, а также 37 большевиков и один меньшевик-интернационалист [8, с. 870]. На губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Рязани (14–16 октября 1917 г.) левые эсеры составили вторую по количеству фракцию после большевиков – 10 человек (большевиков – 28, меньшевиков – 8 и меньшевиков-интернационалистов – 3) [1, с. 370].

Достаточно активно в органах советской и производственной демократии действуют и максималисты. Например, на выборах первого Общезаводского комитета в Ижевске (апрель, 1917) 9 мест из 25 получили члены местной максималистской организации [1, с. 45]. В Ижевском совете после перевыборов в конце августа максималисты сформировали вторую по численности фракцию после блока большевиков и меньшевиков-интернационалистов (соответственно, 38 и 57 человек) [1, с. 46]. Создавая «парламентские» фракции в Советах, они получают дополнительные возможности для саморекламы и расширения своей политической деятельности. В частности, на выборах в Сормовский совет 1 июля максималисты получили только одно место (большевики – 4, меньшевики – 6, эсеры – 38). Тем не менее, согласно решению Сормовского бюро Совета рабочих депутатов, принятому 2 октября 1917 г., эсеры-максималисты получили 1 тыс. руб. «для ведения выборной кампании в Учредительное собрание»; точно такие же суммы получили фракции других социалистических партий в бюро Совета [10, л. 8]. Не отставали максималисты и в других делах. Они приняли активное участие в формировании отрядов Красной гвардии как в столице, так и в провинции, вошли в военно-революционные комитеты Петро-

града, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Тулы и других российских городов. Например, в конце 1917 г. из 200 бойцов Сормовской Красной гвардии 40 причисляли себя к членам ССРМ и сочувствующим.

Решающие дни наступают в октябре, когда и массами, и некоторыми леворадикальными политиками на повестку дня ставится ликвидация сложившегося в стране двоевластия органов буржуазной и народно-трудовой демократии в пользу единовластия Советов. В этих условиях левые неонародники оказали немало ценных услуг большевикам, приступившим к организации антиправительственного восстания. Как известно, В. И. Ленин и его соратники сделали ставку на «законную» трансформацию политических институтов, надеясь оттеснить «министров-капиталистов» и поддерживавших их социалистов-соглашателей от государственной власти с помощью механизма прямой советской демократии. Легитимизацию власти трудящихся планировалось приурочить ко II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, созыв которого постоянно откладывался лидерами ВЦИК первого созыва.

Опасаясь дальнейших препон со стороны правительства и лидеров умеренно-социалистических партий, большевики и их леворадикальные союзники 11 октября 1917 г. провели в Смольном съезд Советов Северной области, который в случае необходимости мог стать всероссийским и взять государственную власть в свои руки. Подавляющее большинство делегатов съезда оказались представителями «крайнего левого» спектра российского социалистического движения – помимо 51 большевика, 24 левых эсеров и 4 эсеров-максималистов, там присутствовали только 10 эсеров, 4 меньшевика и один меньшевик-интернационалист [8, с. 958]. В резолюции о текущем моменте съезд призвал органы советской демократии «к активным действиям», поскольку «только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти» [8, с. 959]. В Северный областной комитет, которому поручили обеспечить созыв II Всероссийского съезда Советов, избрали 11 большевиков и 6 левых эсеров. По справедливой оценке академика И. И. Минца, *съезд имел огромное политическое значение: «Он сплотил революционные силы столицы, ближайших к ней районов, Балтийского флота и войск, расположенных в Финляндии, на которые можно было опереться в ходе вооруженного восстания. Резолюции съезда послужили образцом при проведении других областных съездов»* [8, с. 960].

Несмотря на последовательное расширение сферы своего политического влияния в социальных низах, до поздней осени 1917 г. левые эсеры представляли собой фракцию в составе ПСР, а не самостоятельную партию. По свидетельству В. А. Карелина, «партия зародилась в октябре месяце [1917 г.]. В октябре – в момент революционного взрыва – не было еще партии как таковой, а было течение... Мы не имели организованного аппарата, того, чем сильна партия и что дает право на определенную политику» [11, с. 84]. К этому времени левые эсеры стали весомой политической силой на Украине, в Тверской губернии, в Красноярске, Уфе, Курске, Риге, Выборге, Гельсингфорсе; в некоторых местах (в частности, в Петрограде и Кронштадте) за ними шло подавляющее большинство членов эсеровских партийных организаций, тем не менее, по удачному выражению А. И. Разгона, вплоть до весны 1918 г. «везде наблюдается не окончательный результат, а процесс раскола» [11, с. 86]. Незавершенность процесса левоэсеровского партогенеза, отсутствие

отлаженного механизма поддержания и координации горизонтальных и вертикальных связей между организациями значительно уменьшали шансы новообразующейся партии в конкуренции с более авторитарными большевиками за перераспределение государственной власти. Однако на этапе борьбы с недееспособным Временным правительством левые эсеры, опиравшиеся на массовые симпатии социальных низов и тесно сотрудничавшие с другими радикально-социалистическими организациями, представляли собой грозную силу.

Левые неонародники внесли весомый вклад в подготовку и осуществление антиправительственного переворота в Москве, Харькове, Ревеле, Гельсингфорсе, Воронеже, Астрахани, Ташкенте, Туле, Твери, во многих уездных городах, при этом их участие в «коммунальных революциях» принимало разные формы. Например, в Нижнем Новгороде ведущую роль в военно-революционном комитете играли большевики, однако именно лояльная позиция местных левых эсеров стала залогом победы антибуржуазного восстания. В частности, в день большевистского переворота 28 октября 1917 г. «все живые силы» – от правых эсеров до кадетов – под эгидой городской думы создали Комитет спасения родины и революции и начали подготовку вооруженного отпора ревкому. В этот же день в думе появилась делегация сормовских эсеров, которые, по выражению современника, «как рабочие, стояли всегда левее городских (т.е. нижегородских – В. С.)», заявившая, что их партийная организация не допустит кровопролития и в случае агрессивных действий со стороны думцев поддержит большевиков, предоставив им свою боевую дружину [12, с. 17]. В итоге, в Нижнем Новгороде антиправительственный переворот прошел «малой кровью». В период «триумфального шествия Советской власти» левые неонародники вошли в Нижегородский губисполком Совета рабочих и солдатских депутатов и другие органы «диктатуры пролетариата». (В частности, 9 ноября 1917 г. решением исполкома рабочей секции Нижегородского совета эсер-максималист В. К. Хрекин в числе трех депутатов был делегирован заведовать Отделом труда [10, л. 12]).

Более активно действовали левонароднические организации в других регионах России. В Воронеже 28 октября 1917 г. большевики и левые эсеры создают чрезвычайный революционный орган («орган действий») «на случай каких-нибудь неожиданных событий и для принятия и проведения необходимых срочных мер» [14, с. 171–172]. Когда правительственные войска приступили к разоружению «ненадежных» частей гарнизона, некоторые решительно настроенные большевики, а также левые эсеры Н. И. Григорьев и А. С. Ляпис, сформировавшие временный революционный комитет, сумели организовать и возглавить победоносное восстание. По признанию воронежского большевика И. Врачева, «основным кадром для дружины Ревкома» была левозэсеровская дружина [14, с. 181]. Показательно, что Воронежская губернская организация (наряду с Петроградской и Гельсингфорсской) была исключена решением ЦК ПСР из рядов партии за активное участие в Октябрьском революционном перевороте.

Сотрудничество большевиков и их левонароднических союзников оказалось недолгим. Левые эсеры и максималисты продемонстрировали идейную последовательность и приверженность партийным принципам, встав на защиту экономических и политических интересов сельских тружеников, однако они так и не сумели доказать, что в условиях отсутствия возможностей для эквивалентного обмена товарами между городом и селом крестьяне стали

бы добровольно в долг кормить миллионы рабочих, служащих, солдат, да еще при этом сохранили бы лояльность к партийно-советским властям и готовность к социалистическим преобразованиям. Либертаризм левых неонародников, представляя собой замечательный фундамент для социалистических преобразований в более благоприятной обстановке и в более спокойные времена, в условиях междоцивилизационных, межклассовых и подобных конфликтов, ареной которых стала Россия в 1917–1918 гг., оказался неисполнимой мечтой. Поэтому в ходе развития Великой российской революции многие левые эсеры и максималисты переходят невидимую линию и оказываются на «территории» авторитарно-централистских приоритетов в политической практике, независимо от того, борются ли они с правящей партией старыми подпольными методами, сотрудничают с большевиками или непосредственно пополняют ряды ленинцев.

Список литературы

1. **Бехтерев, С. Л.** Эсеро-максималистское движение в Удмуртии : монография / С. Л. Бехтерев. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 192 с.
2. Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 147.
3. **Астрахан, Х. М.** Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями / Х. М. Астрахан. – Л. : Лениздат, 1973. – 456 с.
4. Земля и Воля. Орган Петроградского комитета ПСР. – 1917. – № 72.
5. Земля и Воля. Орган Петроградского комитета ПСР. – 1917. – № 90.
6. Земля и Воля. Орган Петроградского комитета ПСР. – 1917. – № 88.
7. Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – № 63. – 4 апреля.
8. **Минц, И. И.** История Великого Октября : в 3-х т. / И. И. Минц. – М. : Наука, 1968. – Т. 2: Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. – 1151 с.
9. **Андреев, А. М.** Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март–октябрь 1917 г. / А. М. Андреев. – М. : Наука, 1967. – 423 с.
10. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 13.
11. **Разгон, А. И.** ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата / А. И. Разгон. – М. : Наука, 1977. – 335 с.
12. **Писарев, А.** Октябрьская революция в Н. Новгороде / А. Писарев // Год пролетарской революции. 1917–1918. Юбилейный сборник. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского губкома РКП(б), 1918. – С. 9–21.
13. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 9.
14. Пролетарская революция. – 1924. – № 10.